

И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы путь кривой,
Чтобы понять, никого нет рядом — и я один.
Только ночное небо и звезды над головой.

Время споткнется о солнце — снова придет весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звезды над головой.

* * *

Если ищешь рай, то ищи на Востоке,
А на Западе хлеб и масло свобод,
Можно весело петь, не скрывать пороки,
Можно выть от тоски — и никто не прервет.

А начнешь умирать от свобод и песен,
Позовешь нотариуса и семью,
Скажешь: — Завещаю всем тысячу песо...
Но подумаешь: — Мог бы я жить в раю...

Умирать бы мог без юристов и грусти,
От восточных ветров в сарае дрожа.
И Великий Ростов иль Великий Устюг
Хоронил бы юродивого бомжа.

И прошли бы слухи, что ты, умирая,
Рассказал то ли служке, то ли стене,
Что тебе показали пути до рая —
По какой восточной идти стороне.

* * *

Когда Ты молитвам внимаешь,
Глядишь на тревожный закат,
Ты знаешь, конечно, Ты знаешь,
Зачем наши судьбы сгорят.

Сгорят не для точных ответов —
Мы только, как дети, пойдем,
Что строгое таинство света
Дополним неровным огнем.

Запутавшись в снах и порядках,
И в чайнях ночи и дня,
Мы просто сгорим без остатка
Неровного ради огня.

Еще одна деревня умерла,
 Уехали и старики, и дети.
 Ушел народ искать свои дела:
 Без дела-то нельзя на белом свете.

Кто в Сыктывкар подался, кто в Квебек.
 В район соседний. Или за три моря.
 Не проживает больше человек
 В деревне древней на реке Печоре.

У человека планы и расчет,
 И он упрям, и многое умеет.
 Он целый мир однажды обретет,
 Но на деревню став душой беднее.

ВЛАДИМИР КЕМЕЦКИЙ

Не жилось во Франции поэту,
 Захотелось посмотреть на снег,
 И уехал он в страну Советов,
 Где так вольно дышит человек.

Где растет на кочках тундры ягель,
 И где дышит почва, а не блажь.
 И пошел он по этапу в лагерь
 За любовь к стране и шпионаж.

За любовь и странные оттенки
 Той любви.
 Поди, предугадай,
 Что тебя за них поставит к стенке
 Трудовой народ, любимый край.

Не рыдала скудная природа,
 Расстреляли — да и все дела,
 Около Кирпичного завода
 Воркута поэта погребла.

Замели январские метели
 Узника и смыслов жизни путь.
 Он совсем не думал о расстреле,
 Не просил во Францию вернуть.

Не хотел судьбу менять — и умер...
 В Воркуте живу который год —
 Я бродил по тундре и подумал,
 Глядя на заброшенный завод,

Что Россию власти не согнули,
Что никак не понимает власть,
Если честно до последней пули
Жизнь прошла, то, значит, удалась.

Удалась, хоть гении ГУЛАГа
Не нашли в ней никакой цены.
Что же мы меняем честь на благо,
И порой, как Франция, скучны?!

ПРИКОСНОВЕНИЕ

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне?

Лк. 8, 45

Господи, это я, который в молитвах солгал,
Ближних не возлюбивший
И не простивший врагам,
Пьяный вином, сикерой и сочиненьем стихов,
Женщинами, судьбою,
Пропахший насквозь грехом,
Я, потерявший сына,
Теряющий жизни вкус,
Я прикасаюсь к Тебе...
И, может быть, прикоснусь.

НА ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ

Человек, доверчивый, как лошадь —
И таких, как он, еще табун —
Выйдет на бессмысленную площадь
И на беспощадный выйдет бунт.
Говорит, что хмурая держава
Не удержит вздоха естества:
— Тварь ли я дрожащая или право
На дела имею и слова?!
Правду перемешивая с ложью,
Как с осенней грязью первый снег,
Он дрожит, как тварь.
Но тварь-то Божья!
Все-таки не лошадь — человек.

ОШИБКА АФАНАСИЯ ФЕТА

*У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.*

Афанасий Фет

Федор Тютчев к зырянам пришел,
Это стало для Фета укором,
Но затем подошли рок-н-ролл,
Гербалайф, орифлейм и Киркоров —

И не сразу теперь разберешь
Голос Тютчева в этом содоме,
Что есть мысль изреченная ложь...
Вот беда! И не только для коми!
Жизнь теперь называется лайф —
В этом кайф и конец разговора,
Потому что кругом гербалайф,
Рок-н-ролл, орифлейм и Киркоров.

* * *

Царство Божие не для пьяниц,
Знаешь, русский мой человек,
Больше нашего пьет испанец,
Пьют прилично поляк и грек.

Но о нас говорят с укором,
Что мы пьем с тобой день-деньской,
Потому что спим под собором,
Хмель тяжелый смешав с тоской.

А в соборе иконы, ладан,
Свечи, служба — спасенья ковчег.
Надо встать! Царство Божие рядом.
Встанем, русский мой человек!

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог,
Простого, словно день недели,
Родного, как коровий рев —
Чтоб гимн бы этот все запели —
Все семь оставшихся дворов.
И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдается, как «Варяг».

* * *

В нашей осени света все меньше,
Дождь идет — и молчим ни о чем.
И вздохнут о нас души умерших,
Что неправильно снова живем.

Не хватает нам часто усилий
Разбираться, где ночь, а где суть.

И они также в точности жили.
И уже ничего не вернуть.

Не вернуть им ненастной погоды —
Неба низкого, ветра с дождем,
Не вернуть этой сладкой свободы —
Жить не так и молчать ни о чем.

* * *

Какую воду и вино ни пей,
Колеблется земля и все на ней,
Живущие в придуманном покое.
А жизнь, как выстрел в небо, коротка,
И тоньше крыльев сна и сквозняка —
Безумны возлюбившие земное.

Не поднимайте высоко свой рог —
Ни запад не поможет, ни восток,
Ни площадь недовольного народа.
Пески сравниют, занесут снега,
И снова обломаются рога,
Качавшие устои небосвода.

И человек судьбы не передаст,
И снова будет прав Екклесиаст,
Что суета и скорбь — познания наши.
Но надо жить и видеть между строк,
Как время для суда находит Бог,
Вино и воду для последней чаши.

РУССКИЙ АЛАДДИН

Вышел мужик с новой лампой паяльной,
Бак отгореть в отопленье центральном
С водопроводной трубой.

Лампу разжег, но внезапно заминка —
Лампа шипит: самолет-невидимка
Входит в простор голубой.

Предупреждает: из области дальней
Гость над хозяйством летит коммунальным
В мирной работы разгар.

Верит, невидим он муке похмельной,
Бдительность спит, как директор котельной,
Слеп пограничный радар.

Смотрит на наши исконные земли,
Только паяльная лампа не дремлет
И через тайную щель

Держит приборы слеженья по ветру,
Чтобы радировать хмурому центру:
— Вижу отчетливо цель.

Слышит мужик вдруг чеканные речи,
Лампе командует строгий диспетчер:
— Ближе чуть-чуть подпусти.

Все под контролем. На Северный полюс
Вышел на помощь тебе бронепоезд
От запасного пути.

Сладили дело. И бак отогрели.
В доме тепло. Нет невидимой цели.
Только вот денег впритык.

Чистое небо. Погода нормальная.
Как хорошо, что есть лампа паяльная
И терпеливый мужик!